

Д. и. н., профессор,
зав. каф. политологии СОГУ
В.Д. Дзидзоев

Основные этапы межнациональных отношений и национально-государственного строительства на Северном Кавказе (1917–1925 гг.)

В.Д. Дзидзоев

Современные межнациональные отношения и этнополитические процессы в республиках Северного Кавказа, в целом на юге Российской Федерации, имеют давние исторические, политические и правовые корни. Особенности Северокавказского региона являются многонациональность, многоконфессиональность и периодически повторяющаяся проблемность его для федерального центра. На протяжении многих лет здесь имели место завоевательные войны, набеги горцев друг на друга и на русские поселения, колониальная политика русского царизма, борьба за свободу и независимость, различные национальные, религиозные, не всегда преследовавшие благородные цели политические движения и т.д. Тем не менее в первые годы советской власти на Северном Кавказе были достигнуты большие успехи в национально-государственном строительстве малочисленных народов региона, которые в историографии Кавказа именуются горцами.¹ Но и здесь не обошлось без перегибов, упущений и ошибок в национальной политике советского государства и межнациональных отношениях в регионе. Последствия отдельных из этих ошибок до сих пор негативно сказываются на этнополитических процессах, межнациональных отношениях в республиках Северного Кавказа.

В данной статье предпринимается попытка анализа политических, национальных, межнациональных, конфессиональных и этноконфессиональных процессов, тенденций межнациональных отношений, национально-государственного строительства на Северном Кавказе в 1917–1925 годах.

Рассматривая политические процессы, национальную политику, сложные и противоречивые межнациональные отношения на Северном Кавказе в 1917–1925 годах, когда различные политические силы предлагали и отстаивали диаметрально противоположные подходы в выборе национально-государственного строительства осетин, кабардинцев, балкарцев, карачаевцев, ингушей, чеченцев, дагестанцев, других горцев Северного Кавказа, моделей их экономического, политического и государственного развития, можно было бы, на мой взгляд, выделить **десять основных этапов** этих процессов и явлений. Их характеристики, по моему мнению, определяются различными фазами этнополитического, военного, религиозного, межнационального противостояния на Северном Кавказе.

Первый этап (май–октябрь 1917 г.) начался с бурного всплеска национального самосознания малочисленных горских народов, лидеры которых на своем объединенном съезде 1–10 мая 1917 г. во Владикавказе провозгласили создание национальной государственности в форме Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана² в составе России.

Второй этап (октябрь 1917–февраль 1918 г.) характеризуется ожесточенным этнополитическим, межнациональным (особенно между чеченцами и ингушами, с одной стороны, и казаками, с другой) противостоянием в регионе, ростом популярности в среде горских народов идеи национально-государственного строительства, готовности защищать ее с оружием в руках. В этот период в регионе уже заявили о

¹ Термин «горцы», утвердившийся в историографии Кавказа применительно к малочисленным коренным (автохтонным) народам региона не совсем точный, так как под ним подразумеваются и равнинные народы, например, кабардинцы и кумыки, никогда не проживавшие в горах.

² Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана следует рассматривать как первую попытку создания объединенного автономного национально-государственного образования горцев Северного Кавказа.

себе три враждебных, и, разумеется, не признававших друг друга национально-государственных и национально-территориальных образований – Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, во главе с буржуазными лидерами горских народов, и Терская советская республика, провозглашенная на II съезде народов Терека, во главе с большевиками Северного Кавказа. Конституция Терской советской республики, принятая на II съезде народов Терека в Пятигорске (съезд завершил свою работу во Владикавказе, куда делегаты в целях безопасности в полном составе переехали 18 февраля 1918 г.), подтвердила, что республика является составной частью РСФСР [1].

В этот период казаки также заявили о своей автономии на Северном Кавказе. Все это создавало особую этнополитическую напряженность, межнациональное противостояние в регионе.

Третий этап (февраль–май 1918г.) ознаменовался небывалым подъемом классовой борьбы и межнационального противостояния, в результате чего на III (Грозненском) съезде народов Терека было принято решение о выселении казаков за пределы Терской советской республики и заселении «освободившихся» казачьих станиц чеченцами и ингушами. Противостояние имело не только классовый («революционный»), но и ярко выраженный межнациональный характер (с одной стороны – казаки, в основном этнические русские, с другой – горцы, в основном чеченцы и ингуши).

Четвертый этап (май–август 1918 г.) характеризуется перерастанием этнополитического кризиса и межнационального противостояния в гражданскую войну на Северном Кавказе, когда моздокские казаки во главе с Г.Ф. Бичераховым напали на «красный Владикавказ», где проходил IV съезд народов Терека. В ходе так называемых «августовских событий во Владикавказе» были задействованы различные военно-политические, национальные силы, которые вели бои за политическую власть, за национальные интересы, например казаки, ингуши. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, преобразован в Горскую Республику и с мая 1918 года взял курс на независимость.

Пятый этап (сентябрь 1918–февраль 1919гг.) отличается возрастанием классовой и межнациональной борьбы. В это время происходило объединение антисоветских сил (процесс происходил сложно и противоречиво), которые временно уничтожили советскую власть в регионе. Одновременно с советской властью, с Терской советской республикой уничтожалась и «независимая» Горская Республика, созданная

лидерами горских народов Северного Кавказа. Даже яркий антисоветский настрой не помог лидерам Горской Республики П. Коцеву, А.-Г. Чермоеву, В.-Г. Джабагиеву, Г. Баммату и другим найти основу союза с А.И. Деникиным, который не признавал никаких автономных образований горских народов Северного Кавказа, а тем более их независимости.

На этом этапе нарастали различные противоречия и в антисоветском блоке сил. Генерал А.И. Деникин так и не нашел общего языка с временно покоренными горцами Северного Кавказа, что стало, на мой взгляд, одной из главных причин поражения Добровольческой армии в многонациональном и многоконфессиональном регионе. Обращаю особое внимание на то, что А.И. Деникин не нашел общего языка с горцами в первую очередь в национально-конфессиональном вопросе.

Шестой этап (март 1919–март 1920гг.) отличается наивысшим подъемом и ожесточением борющихся за власть военных, политических, религиозных и национальных сил на Северном Кавказе. На этом этапе большевикам удалось расколоть союз антисоветских сил, создать из них мощный антиденикинский фронт в регионе. Большевики сумели привлечь на свою сторону значительную часть населения горских народов и одолели не только сепаратизм вдохновителей и сторонников Горской Республики, но и генерала А.И. Деникина, который и мысли не допускал о каких-либо автономиях для народов Северного Кавказа. А.И. Деникин (прозвище «царь Антон») на Северном Кавказе, как и по всей России, хотел восстановить дореволюционные монархические порядки, от которых веками страдали народы империи, и в первую очередь малочисленные нерусские народы национальных окраин, подвергавшиеся многочисленным унижениям, притеснениям и гонениям. В ходе революционного переустройства общества горские народы Северного Кавказа боролись за национальное, социальное и конфессиональное равноправие, за национальное самоопределение, чего никак не хотели понять генерал А.И. Деникин и его сторонники. Борьба с А.И. Деникиным ассоциировалась у многих горцев с борьбой за национальное самоопределение, за защиту шариата, равенство в национальном вопросе, в социальных и межконфессиональных отношениях. Именно под этими лозунгами объединились христиане, мусульмане, иудеи и атеисты Северного Кавказа. Под этими лозунгами против Добровольческой армии А.И. Деникина отчаянно сражались те, кто в 1917–1918 годах были еще противниками.

Седьмой этап (апрель 1920–январь 1921 гг.) начался победой объединенных сил над Добровольческой армией А.И. Деникина. Большевики, провозгласившие на II съезде РСДРП в 1903 г. право нации на самоопределение, уже в конце 1920 г. приступили к созданию Дагестанской и Горской АССР. Это был важнейший политический шаг еще не до конца окрепшей в регионе советской власти. В некоторых горных районах Дагестана и Чечни новая власть еще не была признана. Эти районы подчинялись еще яромому стороннику независимости Северного Кавказа Нажмутдину Гоцинскому. Тем не менее большевики приступили к сложнейшему процессу национально-государственного строительства на Северном Кавказе, одновременно продолжая наращивать темпы борьбы против различных антисоветских сил. В первую очередь они сосредоточили свои силы против сторонников Горской Республики, которую в той или иной степени поддерживали меньшевистская Грузия (правительство Горской Республики «временно» перебрасывалось в Тифлис и оттуда давало своим сторонникам на Северном Кавказе инструкции, указания, советы и т.д.), мусаватистский Азербайджан, Турция, Великобритания и др. Большевики, в отличие от генерала А.И. Деникина, признавали национальное самоопределение нерусских народов как ключевой принцип своей национальной политики. Во многом этим определяется успех большевистской партии в военно-политическом, этносоциальном, межнациональном противостоянии на Северном Кавказе в 1917–1921 гг.

Восьмой этап (январь–сентябрь 1921 г.) характеризуется укреплением позиций советской власти, полной победой не только над А.М. Деникиным, но и горским сепаратизмом. С одной стороны, шло интенсивное национально-государственное строительство на Северном Кавказе, с другой – обнаружилось серьезное противоречие в концепции строительства Дагестанской и особенно Горской АССР. Межнациональные и земельные проблемы, которые во многом были взаимосвязаны в регионе, не были до конца разрешены, что стало, на мой взгляд, одной из главных причин быстрого распада Горской АССР. Уже 1 сентября 1921 г. из состава Горской АССР в отдельную автономную область с непосредственным подчинением Москве выделилась Кабарда, а чуть позднее – Балкария. Дальше процесс распада многонациональной республики, где накопилось множество экономических, политических, межнациональных проблем, невозможно было уже остановить.

Девятый этап (1 сентября 1921–8 июля 1924 гг.) начинается с отделения Кабарды от Горской АССР (1 сентября 1921 г.) и заканчивается полным распадом республики 8 июля 1924 года. Этот период знаменателен тем, что получившие статус автономных областей Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Карачай, Чечня, Ингушетия при огромной помощи федерального и союзного центров заложили основы собственного автономного национально-государственного строительства. Формы национального самоопределения горцев Северного Кавказа не оставались постоянно неизменными. В 1936 году автономные области Северного Кавказа были преобразованы в автономные республики в составе РСФСР. Таким образом, создание основ национально-государственного строительства горцев Северного Кавказа явилось для них, несмотря на ошибки, просчеты и перегибы, средством практического разрешения национального вопроса. В этот период продолжалась борьба с остатками антисоветских сил, которые наибольшую силу имели в горной Чечне и в горном Дагестане.

Десятый этап (8 июля 1924–конец августа 1925 гг.) характеризуется усилением и окончательным укреплением советской власти на Северном Кавказе, где в это время были заложены крепкие основы национально-государственного развития малочисленных народов региона. Однако в этот период в горах Чечни и Дагестана все еще действовал большой повстанческий отряд во главе с одним из авторитетных и влиятельных врагов советской власти, имамом Северного Кавказа Нажмутдином Гоцинским, которому оказывали помощь некоторые иностранные государства, традиционно поддерживающие любые антироссийские силы и акции. Понадобились большие усилия частей Красной Армии, чекистов, милиции, активистов и добровольцев, чтобы по плану, разработанному командующим войсками Северо-Кавказского военного округа И.П. Уборевичем и полномочным представителем ОГПУ на Северном Кавказе Е.Г. Евдокимовым в конце августа 1925 г. уничтожить в горах Северного Кавказа (в Дайском ущелье) значительную часть повстанцев, а Н. Гоцинского и его ближайших сподвижников пленить (всего более 30 человек). У повстанцев было изъято 25 тыс. 300 винтовок, 4 тыс. 319 револьверов, более 75 тыс. патронов и другие боеприпасы [2].

15 октября 1925 г. суд приговорил Н. Гоцинского к высшей мере наказания, и он был расстрелян в Ростове-на-Дону. С уничтожением Н. Гоцинского была похоронена на долгие годы идея «независимой Горской Республики». На-

чиная с 1917 года и до конца 30-х годов XX века на Северном Кавказе в сфере межнациональных отношений, этнополитических процессов происходили сложнейшие явления, которые, на мой взгляд, были связаны с предысторией крайне противоречивых социально-политических взаимоотношений горцев, в основном чеченцев и ингушей, с одной стороны, и терского и сунженского казачества, – с другой. Результатом этих противоречивых, периодически перераставших в явно враждебные межнациональные взаимоотношения становились вооруженные стычки с многочисленными жертвами с обеих сторон, насильственное переселение части горцев с насиженных мест, политика и практика расказачивания, этносоциальная напряженность в местах близкого проживания казаков и горцев, этнопсихологическая готовность обеих сторон к кровопролитной войне во имя «исторической справедливости», которую противоборствующие силы, конечно же, понимали по-разному. Но именно это приводило противоборствующие силы к еще большей ненависти, ожесточению и неумемному желанию уничтожить оппонента. Здесь свою особую роль играла религия. Известно, что любая форма национализма «эффектнее» проявляется через религию. Национализм более понятен массам, более «патриотичен», когда он имеет «религиозный мундир». В этом можно убедиться на примере современного Косово, где противоборствующие силы не просто два разных по этногенезу народа – сербы и албанцы, но еще и ортодоксальные «православные сербы» и «мусульмане-албанцы». Мировой опыт, как правило, свидетельствует о тесной взаимосвязи национализма и религии, хотя бывают и исключения (например, в грузино-осетинском этнополитическом и межнациональном противостоянии нет религиозного составляющего). Взаимосвязь религий и национализма обусловлена особым местом религии в традиционной культуре каждого народа. Заметим, что религиозная культура, различные религиозные культы, традиции, обычаи индивидуально внедрялись в «ткань этнической жизни» каждого отдельного народа. У абсолютного большинства народов, в том числе и на Северном Кавказе, национальные традиции настолько переплетены с религиозными, что порой трудно отделить их друг от друга.

Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г., уничтожившая монархию Романовых и Российскую империю, стала мощным стимулом пробуждения национального самосознания малочисленных горских народов Северного Кавказа. Начиная с 1917 г., главной

характерной чертой национального самосознания горцев региона, их этнополитического развития в последующие годы стало естественное стремление к собственному национально-государственному образованию. В этом стремлении горцев, их религиозное сознание играло существенную роль. На протяжении долгих лет борьбы за свое достойное существование национальная и религиозная компоненты самосознания горцев не просто переплелись, но и стали позитивным фактором, способствовавшим росту их национальной жизни, национально-территориальному обособлению. Следует подчеркнуть, что по мере укрепления советской власти, на протяжении многих лет наступательной войны «на всех фронтах» с религией интегративная функция ее, разумеется, искажалась и сознательно извращалась.

В постсоветской историографии Кавказа имеются, на мой взгляд, спорные рассуждения о коренных и некоренных народах того или иного региона. Ученые пока не выработали единые критерии определения «коренного народа». Сложность объясняется несколькими причинами. Одна из них, на мой взгляд, состоит в том, что научному подходу к выработке определения существенно мешают политические и иные предрассудки. Политикам Российской Федерации, и не только им, занимающимся разрешением многочисленных межнациональных конфликтов, налаживанием сложных этнополитических процессов, иногда «создают» неожиданные проблемы четко сформулированные научные понятия и дефиниции. Сказанное относится и к понятию «коренной народ». Определенная часть ученых, политиков, общественных деятелей «не видит» разницу между коренным и некоренным народом только потому, что в ней они усматривают зерна нынешних или будущих потенциальных этнополитических, межнациональных раздоров. В таком подходе, видимо, имеется определенная доля истины. Тем не менее понятие «коренной народ» (или «коренная нация») с научной точки зрения заслуживает глубокого и всестороннего анализа. Оно должно иметь свою обоснованную научную дефиницию. Коренным (автохтонным) народом (коренной нацией) должен считаться, на мой взгляд, тот, который на данной конкретной территории живет веками, а то и тысячелетиями. Этногенез этого народа произошел именно здесь, и он создал на данной конкретной территории свои лучшие национальные творения (язык, эпос, культуру, традиции, духовность и т.д.), неоднократно защищал ее с оружием в руках от различных завоевателей и притеснителей, обильно проливая кровь своих сыновей

и дочерей, что дает ему политическое и моральное право называть эту землю исконной, родной, отцовской, суверенной.

Речь идет о том, чтобы имея по конституции равные возможности и права на всей территории многонациональной страны, возможности социально-экономического, политического и духовного развития коренного народа (коренной нации) на данной конкретной территории, где он по праву является коренным (автохтонным), максимально соответствовали его историческому статусу. Это должно признаваться как федеральным центром, так и другими народами, проживающими на исконной территории того или иного коренного народа, который и на законодательной основе, и по морально-этическим соображениям и принципам обязан отстаивать права и интересы других народов, проживающих на исконной территории коренного народа (нации). В этой связи представляется интересным доклад подкомиссии ООН по предупреждению дискриминации и защите национальных меньшинств, где подчеркивается: «Коренное население – это коренные общины, народности и нации, сохраняющие историческую преемственность с обществами, которые существовали до вторжения завоевателей и введения колониальной системы и развивались на собственных территориях...» [3].

Данная проблема актуальна для многих регионов и народов Российской Федерации. Однако особую актуальность она имела, имеет и будет еще долго иметь для Северного Кавказа, где некоторые коренные народы в силу многих причин оказывались в численном меньшинстве на своей исторической родине. Это тем более важно, что национальная политика советского государства и сложные, противоречивые межнациональные отношения на Северном Кавказе, этнополитические процессы в регионе в 1917–1925 гг. объективно, всестороннее и глубоко до сих пор не изучены. Сказанное вовсе не означает, что по данной проблеме нет заслуживающих внимания работ. И в советское, и в постсоветское время этой проблеме уделялось большое внимание. Многим из них удалось «докопаться» до истины в отдельных аспектах и вопросах большой, злободневной и многоаспектной проблемы. Но речь в данном случае идет о том, чтобы исследовать сложнейшую проблему историографии Кавказа первой четверти XX в. с научных позиций, без идеологической «закваски», комплексно, с учетом всех деталей и особенностей противостояния набравшей силы советской власти и определенной части многонационального населения Северного Кавказа. Факты истории свидетельствуют о

том, что на Северном Кавказе часть народов региона оказала отчаянное вооруженное сопротивление советской власти. Сказанное вовсе не означает огульное перечеркивание действительно больших достижений советской власти в решении национального вопроса. Здесь, на мой взгляд, следует иметь в виду два важных обстоятельства. Во-первых, идеального решения национального вопроса в мире не существует и вряд ли в будущем где-либо смогут найти универсальный метод решения этой сложной проблемы. Во-вторых, проблемы в сфере национальной политики и межнациональных отношений на Кавказе, доставшиеся советской власти от Российской империи в 1917 г., были слишком тяжелыми, «запущенными» и многогранными. Тем не менее многие из них советской власти удалось решить. Большевики в первые годы своего правления пытались максимально объективно решить проблему сложных и противоречивых межнациональных отношений на Кавказе, старались учитывать национальные интересы каждого народа, его вековые традиции, культуру, язык, религию и т.д. Новая власть, конечно же, искала совершенную модель социально-экономического, этнополитического развития Северного Кавказа как составной части РСФСР. Однако многие особенности большевистской партии и советского государства (однопартийность, авторитаризм И.В. Сталина, политическая и экономическая отсталость многих народов, особенно малочисленных и др.) не могли не отразиться негативно на формах и методах решения национального вопроса. С укреплением советской власти отчетливо обнаружилась разница между теоретической концепцией большевистской национальной политики и практикой. Так, например, в первые годы советской власти даже И.В. Сталин в отношении горцев Северного Кавказа, их национальных традиций, культуры, внутренней жизни был более мягким, подчеркнуто внимательным, уступчивым, доброжелательным и т.д.

Обращаю внимание и на то, что постепенно в антисоветскую борьбу на Северном Кавказе втягивались бывшие сторонники и активисты советской власти (например, чеченский журналист и публицист Хасан Исраилов, ответственный работник прокуратуры Чечено-Ингушетии Маирбек Шерипов, родной брат руководителя чеченских красных бойцов во время гражданской войны и др.), которые разочаровались в новой «народной власти», ее национальной политике. Для выяснения сущности национальной политики в 1917–1925 гг., феномена национального фактора необходимо, на мой взгляд,

иметь четкое представление о политических платформах противоборствующих сил, о роли и месте в них национального фактора, в целом национального вопроса. Для горцев Северного Кавказа это было очень важно. Для них отношение какой-либо силы (партии, Добровольческой армии, религиозной организации и т.д.) к национальному вопросу было не просто «позицией» той или иной стороны враждующих сил, борющихся за власть, а весомым аргументом поддержки или бескомпромиссной борьбы. И здесь более гибкими, наиболее дальновидными, прекрасными знатоками психологии нерусских народов оказались большевики, которые в национальном вопросе, в отличие от других общероссийских партий и генерала А.И. Деникина, четко сформулировали свой ключевой принцип – право нации на самоопределение, национальное и конфессиональное равноправие народов России. Во многом благодаря этому важнейшему принципу они смогли восстановить под лозунгом строительства социализма развалившуюся в 1917–1918 гг. Российскую империю. Общественно-политические события 1917–1921 гг. стали своеобразным детонатором сложных этнополитических процессов на Северном Кавказе, где различных запутанных проблем накопилось, быть может, больше, чем в других регионах страны. Лозунги большевиков о праве наций на самоопределение, о равноправии больших и малочисленных народов, о строительстве нового социалистического государства, где не будет места любой форме эксплуатации человека человеком, а самое главное – предоставление фактической независимости Финляндии, Польше, Грузии, Армении, Азербайджану, Украине и другим национальным окраинам бывшей Российской империи не могли оставить равнодушными значительную часть населения многонационального Северного Кавказа, которая была вовлечена в масштабный и противоречивый этнополитический процесс. Безземельным горцам, особенно чеченцам и ингушам, не могла не понравиться борьба большевиков против помещиков-землевладельцев, в целом против буржуазии, репрессии против казаков, по праву считавшихся притеснителями и врагами горцев, распределение между горцами конфискованных большевиками казачьих земель. Горцы Северного Кавказа в массе своей одобряли и поддерживали большевиков в их непримиримой борьбе с Добровольческой армией генерала А.И. Деникина с ее лозунгами «Россия едина и неделима», «Никаких автономий в России», которые ассоциировались у нерусских народов с попыткой реставрации ненавистного царского режима.

Эти и многие другие весомые, с точки зрения горцев, аргументы привлекали на сторону советской власти массу горского населения, которому доступно и понятно объясняли заботу большевиков о трудовом, бесправном народе. Таким образом, большевики лучше других общероссийских партий и генерала А.И. Деникина воспользовались национальным фактором для решения запутанного национального вопроса. Горцы поверили в партийные и советские декларации об идеалах равноправия народов и конфессий, об автономии для малочисленных народов и независимости в соответствии с правом нации на самоопределение вплоть до отделения и образования нового независимого государства. Следует подчеркнуть, что большевики в первые годы советской власти добились действительно внушительных успехов в практическом решении национального вопроса. Поставив почти фантастическую задачу ликвидации фактического неравенства (в экономическом, политическом, культурном и т.д. развитии) больших и малочисленных народов, большевики за относительно короткое время добились таких успехов, о которых горцы Северного Кавказа только мечтали. На X съезде РКП (б) в 1921 году в резолюции «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» была сформулирована задача по «насаждению промышленности на окраинах путем переноса фабрик к источникам сырья» [4].

Национальная политика советского государства уже в начале 20-х годов XX в. была направлена на укрепление государственности горцев Северного Кавказа «в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов» [5]. Такая политика выравнивания уровней экономического развития бывших национальных окраин страны, советская интернационализация производства и культуры произвела коренной переворот в исторических судьбах горцев Северного Кавказа, где открывались широкие возможности для экономического, политического и культурного развития. Обращая особое внимание на то, что эти действительно широкие возможности создавались большевиками исключительно в соответствии с их концепцией строительства многонационального социалистического федеративного государства. Все то, что не соответствовало и не вписывалось в эту концепцию, большевики по мере укрепления своей власти жестко отсекали. Такая позиция большевиков постепенно привела на Северном Кавказе, особенно в горных районах Дагестана, Чечни, Ингушетии, Карачая к сложной этнополитической ситуации, о которой речь пойдет дальше.

Выше уже отмечалось, что в первом документе советской власти – Обращении «К рабочим, солдатам и крестьянам», принятом на II Всероссийском съезде Советов в день его открытия, подчеркивалось, что советское государство «обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение» [6]. Важно подчеркнуть, что в «Декларации прав народов России» в ноябре 1917 г. концептуальные положения советской национальной политики получили не только дальнейшее развитие, но и законодательное закрепление. Декларация провозгласила «равенство и суверенность народов России», отменила все и всякие национальные и национально-религиозные привилегии и ограничения [7]. Таким образом, горцы Северного Кавказа, мечтавшие из поколения в поколение о национальном и конфессиональном равноправии, получили возможность строить свою жизнь в соответствии со сложившимися национально-бытовыми условиями и традициями, но в рамках советского многонационального федерального государства. Советское правительство оказывало горцам Северного Кавказа огромную разностороннюю помощь в осуществлении предоставленных прав, в укреплении и совершенствовании национальной государственности, развитии национальной культуры. В то же время большевистская партия и советское правительство последовательно и целенаправленно проводили в жизнь линию на интернациональное сплочение трудящихся всех национальностей и вероисповеданий. Большевики неуклонно проводили атеистическую политику, которая во многих местах Северного Кавказа носила агрессивный, воинственный характер. По мере укрепления советской власти, большевики во внутренней политике, взаимосвязанной с национальной, стали допускать ошибки, перегибы, просчеты, которыми немедленно воспользовались различные антисоветские силы, «приютившиеся» на Северном Кавказе, особенно в горных районах Дагестана, Чечни, Ингушетии и Карачая. Эти силы в 1917–1925 гг. активно выступали против большевиков, поддерживая или «независимую» Горскую Республику, или «независимый» Северо-Кавказский эмират шейха Узун-хаджи, или имама Северного Кавказа Н. Гоцинского, или генерала А.И. Деникина.

В 20-е годы, несмотря на очевидные успехи новой власти, особенно в национально-государственном строительстве на Северном Кавказе, антисоветские силы продолжали вынашивать планы по борьбе «с большевистским режимом» в регионе. Таким образом, и без

того своеобразные, сложные условия еще больше осложнялись продолжительным и изнурительным противостоянием новой власти и антисоветских повстанческих группировок. Известный дагестанский ученый-исследователь, профессор Г.Ш. Каймаразов справедливо подчеркивает, что «нерусские народы Северного Кавказа в целом не прошли стадии капиталистического развития. Здесь в предоктябрьский период наряду со сложившимся капиталистическим укладом в ряде районов сохранились феодальные отношения, а также пережитки патриархально-родового быта. Это переплетение отношений, присущих различным общественно-экономическим формациям, общая отсталость и, как следствие, относительная неразвитость связей с внешним миром, дополнявшиеся многонациональным составом населения, многоязычием и естественно-географическими условиями горного края, накладывали глубокий отпечаток на весь процесс экономического, политического и культурного строительства». [10] В такой сложной обстановке, где часть вооруженного горского населения продолжала свою борьбу против новой власти, решать важнейшие этнополитические проблемы становилось чрезвычайно трудно. Тем более, как уже подчеркивалось выше, большевики Северного Кавказа допускали немало ошибок и перегибов в реализации установок руководства ЦК РКП(б) и Совнаркома РСФСР. Так, например, В. И. Ленин в письме «Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики» особенный акцент сделал на том, что для укрепления советской власти на Кавказе, перехода кавказских народов к социализму всего более важно, чтобы коммунисты Закавказья и Северного Кавказа «поняли своеобразие их положения, положения их республик, в отличие от положения и условий РСФСР, поняли необходимость не копировать нашу тактику, а обдуманно видоизменить ее применительно к различию конкретных условий». [11] Анализ фактов и событий первых лет советской власти на Северном Кавказе позволяет утверждать, что коммунисты региона, особенно приезжие русские, не всегда понимали «своеобразие» местности, отличительные особенности Дагестана, Чечни, Ингушетии, других национально-административных территорий новых автономных государственных образований. Часть влиятельных местных коммунистов путем администрирования хотела быстро загнать горские народы Северного Кавказа в общероссийские «схемы» строительства социализма, копируя тактику коллег из Москвы и Петербурга. В.И. Ленин предвидел такой ход раз-

вития на Кавказе и поэтому обращал внимание коммунистов края на недопустимость «копировать нашу тактику». Одно из существенных различий между центром России и Кавказом, по справедливому мнению В.И. Ленина, состояло в том, что «кавказские республики – еще более крестьянские, чем Россия», и он настойчиво предлагал проявлять больше мягкости, осторожности, уступчивости по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно крестьянству. [11, с. 199] Однако не все коммунисты на местах, в том числе и на Северном Кавказе, прислушивались к советам В.И. Ленина, установкам Центрального Комитета РКП(б) и Совнаркома РСФСР. Одни не прислушивались из-за непонимания сложности этнополитической обстановки в многонациональном регионе, другие – из-за чрезмерной личной амбициозности, необузданности характера (как Макар Нагульнов в «Поднятой целине» М.А. Шолохова), коммунистического чванства, против которого неоднократно выступали В.И.

Ленин и другие наиболее дальновидные руководители советского государства. Была и такая часть местных коммунистов, которая не выполняла установки центральной советской власти потому, что ей самой они были не совсем понятными из-за малограмотности, бескультурья, невежества и т. д.

Партийно-советское руководство РСФСР требовало от коммунистов национальных окраин, в том числе Северного Кавказа, приложить максимум усилий для привлечения к стороне советской власти побольше представителей малочисленных коренных народов.

Несмотря на перегибы и ошибки, указания центральной советской власти легли в основу деятельности партийных организаций, органов новой власти по руководству национально-государственным строительством на Северном Кавказе. Важнейшее значение они имели для выработки правильной линии в национальной политике и межнациональных отношениях.

Литература

- 1. Борьба за Советскую власть в Северной Осетии.** – Орджоникидзе, 1957. С. 74–84.
- 2. Дзидзовев В.Д.** Национальные отношения на Кавказе (Издание третье). – Владикавказ, 2000. С. 159.
- 3. Коренное население.** Глобальное стремление к справедливости. – М., 1990. С. 31.
- 4. Десятый съезд РКП(б).** Март 1921. Стенографический отчет. – М., 1963. С. 598–607.
- 5. Ленин В.И.** КПСС о советском многонациональном государстве. X съезд РКП(б) 8–16 марта 1921 г. Резолюция «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» – М., 1981. С. 117.
- 6. Съезд Советов документах, 1917–1936.** т. 1. 1959. С. 8.
- 7. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-го и крестьянского правительства.** 1917–1918. Сборник важнейших декретов. – М., 1919. С. 12.
- 8. Каймаразов Г.Ш.** Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе. – М., 1988. С. 42.
- 9. Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 43. С. 198.

